

ПЛАНЕТА РДУ

ЭТО МОЯ ЗЕМЛЯ #КИБЕРПУТЕВОДИТЕЛЬ

ТАКОЕ МОГЛО ПРОИЗОЙТИ ТОЛЬКО ЗДЕСЬ

Андрей Сулейков

Планета РГГУ. Это моя земля

«Издательские решения»

Сулейков А.

Планета РГГУ. Это моя земля / А. Сулейков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-686464-1

Здание РГГУ на Чайнова и корпус Историко-архивного института на Никольской в Москве — символы российского гуманитарного просвещения, где переплетаются века и судьбы. Студенты, аспиранты, сотрудники, преподаватели, выпускники — участники литературного конкурса создали истории о любимом вузе. Федеральный центр гуманитарных практик РГГУ реализует серию «Планета Alma Mater» и киберпутеводитель «Это моя земля» на принципах программы «Обучение служением» Министерства науки и высшего образования РФ.

ISBN 978-5-00-686464-1

© Сулейков А.
© Издательские решения

Содержание

Благодарность партнерам	6
Жюри литературного конкурса	7
Символы российского гуманитарного просвещения	8
Ключ в ваших руках	9
От поколения к поколению	10
Ожившие достопримечательности	11
Ткань университетского мира	12
Привычное чудо	14
Жилка на запястье	16
Два почерка	21
У главного входа	27
Сцена на двоих	32
Аудитория поэта	39
Пространство диалога	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Планета РГГУ. Это моя земля

Авторы: Сулейков Андрей, Логинов Андрей, Пищулин Алексей, Путильцев Данил, Абаев Алан, Акрамов Александр, Булгаков Тимур, Васильева Татьяна, Климиров Святослав, Михайлов Владимир, Ефремов Даниил, Ривман Екатерина, Бычкова Дарья, Шилова Инна, Андрюшкина Ольга, Калинин Захар, Ефимова Светлана, Сидорова Елизавета, Шумилова Анастасия, Gladkova Юлия, Федотова Мария, Чистяков Глеб, Егоров Евгений, Прохоров Константин, Лапина Анна, Макарова Татьяна, Сулова Карина, Рогачева Вера, Канделаки Тина

Продюсер Андрей Сулейков

Руководитель оргкомитета конкурса Елена Наймушина

Куратор Алексей Пищулин

Куратор Данил Путильцев

Иллюстратор Наталия Венедиктова

© Андрей Сулейков, 2025

© Андрей Логинов, 2025

© Алексей Пищулин, 2025

© Данил Путильцев, 2025

© Алан Абаев, 2025

© Александр Акрамов, 2025

© Тимур Булгаков, 2025

© Татьяна Васильева, 2025

© Святослав Климиров, 2025

© Владимир Михайлов, 2025

© Даниил Ефремов, 2025

© Екатерина Ривман, 2025

© Дарья Бычкова, 2025

© Инна Шилова, 2025

© Ольга Андрюшкина, 2025

© Захар Калинин, 2025

© Светлана Ефимова, 2025

© Елизавета Сидорова, 2025

© Анастасия Шумилова, 2025

© Юлия Gladkova, 2025

© Мария Федотова, 2025

© Глеб Чистяков, 2025

© Евгений Егоров, 2025

© Константин Прохоров, 2025

© Анна Лапина, 2025

© Татьяна Макарова, 2025

© Карина Сулова, 2025

© Вера Рогачева, 2025

© Тина Канделаки, 2025

© Наталия Венедиктова, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0068-6464-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарность партнерам

Издательство «Это моя земля», жюри литературного конкурса «Планета РГГУ. Это моя земля», оргкомитет киберпутеводителя выражают сердечную признательность партнерам проекта, благодаря которым состоялись конкурс легенд и создание сборника:

- Федеральный центр гуманитарных практик;
- Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»;
- Президентская платформа «Россия – страна возможностей»;
- Программа «Другое дело»;
- Издательство «Литературная газета»;
- Редакция «Комсомольская правда»;
- Журнал «Мир Музея»;
- ОСИГ – Общенациональный Союз Индустрии Гостеприимства;
- Вести Туризм – информационное интернет-агентство;
- Интурмаркет – международная туристическая выставка;
- Издательство «Аппреал»;
- Brand Analytics – система мониторинга и анализа социальных медиа.

Жюри литературного конкурса

Логинов Андрей Викторович

Ректор ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», РГГУ.

Абаев Алан Лазаревич

Декан факультета маркетинга и рекламы Российского государственного гуманитарного университета, доктор экономических наук, профессор.

Акрамов Александр Рустамович

Исполняющий обязанности декана факультета туризма и гостеприимства Института евразийских и восточных исследований Российского государственного гуманитарного университета, член Экспертного совета по креативным индустриям Общественной палаты Российской Федерации.

Болквядзе Ираклий Ревазович

Директор департамента Российского государственного гуманитарного университета по работе с молодежью, к.э.н.

Волкова Виктория Викторовна

Декан факультета медиакоммуникаций, заведующий кафедрой медиакоммуникаций РГГУ, доктор педагогических наук, доцент, член Союза журналистов России.

Замшев Максим Адольфович

Российский писатель, поэт и прозаик, публицист, литературный критик, переводчик с румынского и сербского языков.

Председатель Правления Московской городской организации Союза писателей России, член Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры Чеченской Республики (2010). Член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Главный редактор «Литературной газеты».

Пищулин Алексей Юрьевич

Директор Федерального центра гуманитарных практик РГГУ. Главный редактор художественного иллюстрированного журнала «Мир Музея». Сценарист и режиссер телевизионных документальных фильмов.

Путильцев Данил Сергеевич

Заместитель директора Федерального центра гуманитарных практик РГГУ. Директор Центра социокультурного проектирования «Портрет поколения».

Сулейков Андрей Владленович

Продюсер проектов «Это моя земля» и «Планета Alma Mater» в Федеральном центре гуманитарных практик РГГУ, автор и преподаватель курса «Конструктор легенд», лектор Российского общества «Знание», член Союза писателей России.

Символы российского гуманитарного просвещения

Уважаемый читатель!

Ты держишь в руках сборник работ победителей литературного конкурса «Планета РГГУ. Это моя земля». Здесь свидетельства того, как в стенах Российского государственного гуманитарного университета рождается и крепнет творческая мысль, как новое поколение осваивает и приумножает богатейшее историческое и культурное наследие нашего народа.

Университет на Чаянова и знаменитое здание Историко-архивного института на Никольской давно стали символами российского гуманитарного просвещения, здесь переплетаются века и судьбы.

В центральной аудитории РГГУ звучали голоса Шанявского, Чаянова, Есенина, Выготского. Мы гордимся нашими выдающимися профессорами и учеными: Юрий Николаевич Афанасьев, Константин Ильич Могилевский, Ефим Иосифович Пивовар, Сигурд Оттович Шмидт. Их вклад в развитие гуманитарных наук и российского образования неоценим. РГГУ остается центром притяжения ярких, неординарных личностей. Среди знаменитых современников – выпускников РГГУ: Андрей Малахов, Тина Канделаки, Сергей Минаев, Эдвард Радзинский.

Литературное творчество – это особая форма постижения мира. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации с 2023 года реализует программу «Обучение служением», суть которой в получении студентами знаний с одновременным созданием общественно полезного продукта.

Проект «Планета РГГУ. Это моя земля» созвучен программе «Обучение служением». Студенты учились в творческих мастерских и написали истории о любимом вузе. Практика в создании медиапродуктов – это освоение креативных инструментов и продвижение учебного заведения.

Дорогой читатель! Давай вместе поздравим победителей и участников конкурса! Их работы – это способ сохранения и развития лучших традиций РГГУ. Пусть этот сборник станет для них ступенькой к новым творческим свершениям, а для тебя – источником радости открытия новых имен и талантов!

Андрей Викторович Логинов,
ректор Российского государственного гуманитарного университета

Ключ в ваших руках

Говорят, альма-матер – это место, где формируется твоя профессиональная ДНК. Для меня Российский государственный гуманитарный университет стал именно такой точкой отсчета, местом силы, где амбиции обретают форму, а знания превращаются в инструменты достижения успеха.

В 2008 году, когда я получала диплом факультета международных отношений РГГУ, мир был совсем иным. Но неизменной осталась ценность владения словом, умения выстраивать диалог и чувствовать контекст – это важно в любую эпоху. Факультет научил меня смотреть на мир глобально, видеть возможности там, где другие видят границы, и понимать, что за каждым событием всегда стоят Человек и его История.

Именно поэтому мне особенно приятно держать в руках – пусть даже виртуально – этот сборник работ победителей литературного конкурса «Планета РГГУ. Это моя земля».

Описывая историю здания на Никольской или коридоры на улице Чайнова, вы создаете образ, транслируете ценности и влияете на свою аудиторию.

В ваших работах я вижу почерк будущих журналистов, историков, писателей, общественных деятелей – тех, кто будет формировать повестку завтрашнего дня. Ваши тексты – лучшее доказательство, что РГГУ остается живым академическим клубом, который растет и развивается благодаря вашим талантам.

Поздравляю победителей конкурса! То, что вы делаете сегодня – пишете рассказ, эссе или очерк – это тренировка перед большими победами. Сила слова – ключ к успеху. И, судя по этим текстам, этот ключ уже у вас в руках.

Тина Канделаки,
генеральный директор телеканала ТНТ, телеведущая, продюсер,
выпускница факультета международных отношений РГГУ

От поколения к поколению

Университеты всегда стояли особняком в истории человечества, выступая хранителями традиций, интеллектуального наследия и, что самое важное, особого образа мысли. Учеба в высшей школе – это один из важнейших, определяющих этапов в процессе становления личности.

Сегодня, в эпоху информационной насыщенности и открытых источников, уникальность вуза обеспечивается не только объемом передаваемых знаний. Наибольшее влияние на человека оказывает среда. Эта среда складывается из материального пространства – зданий и аудиторий, где живут и учатся студенты; из традиций и ритуалов, принятых в конкретном академическом сообществе; и, безусловно, из людей. Именно друзья и авторитеты, соперники и наставники своими качествами стимулируют личностный рост студентов.

Критерии успеха любого университета – это, в первую очередь, люди. Летопись ведущих российских вузов написана студентами, выпускниками, учеными и преподавателями, чьи достижения признаются во всем мире. Артефакты, традиции, научные школы – это уникальный набор объектов наследия, которые бережно передаются от поколения к поколению.

Каждый первокурсник, сделавший выбор в пользу высшей школы, является кандидатом на то, чтобы вписать свое имя и свои успехи в историю *alma mater*. И, с другой стороны, каждый выпускник оставляет воспоминания о том, что потом назовет «лучшим временем в жизни». Серия «Это моя земля» и проект «Планета РГГУ» созданы именно для того, чтобы помочь студентам освоить навык сторителлинга через превращение впечатлений, эмоций и опыта в медийные произведения. Студенты РГГУ становятся творцами, создавая истории и интерпретируя академические традиции через призму современности.

В сборнике представлены работы победителей литературного конкурса «Планета РГГУ». Вы найдете здесь тексты, связанные единой идеей: показать Российский государственный гуманитарный университет через истории, наполненные любовью, уважением и гордостью за место, где учится, растет и формирует себя как личность современная молодежь.

Мы глубоко верим, что практическое обучение, особенно в формате «Обучение служением», позволяет студентам не только получать знания, но и создавать ценные, общественно полезные продукты. Спасибо участникам конкурса за вклад в историю нашего университета!

Данил Сергеевич Путильцев,
директор Центра социокультурного проектирования «Портрет поколения», исполнительный директор Федерального центра гуманитарных практик РГГУ

Ожившие достопримечательности

Многие знают меня как декана факультета маркетинга и рекламы и специалиста по маркетинговым коммуникациям. Но не всем известно, что я еще и коллекционер открыток. На сегодняшний день моя коллекция насчитывает более двух тысяч единиц. Каждое изображение хранит атмосферу эпохи, образы людей и зданий. Некоторые из артефактов моей коллекции нашли место на сайте о достопримечательностях РГГУ.

Эти материалы я использую во время встреч с абитуриентами и студентами, а также когда представляю РГГУ на различных мероприятиях, рассказывая о традициях и легендах РГГУ. Ведь история нашего университета постоянно обогащается экспозициями, а также именами знаменитых людей, которые когда-то учились или работали в стенах РГГУ.

В 2025 году Федеральный центр гуманитарных практик в сотрудничестве с факультетом маркетинга и рекламы РГГУ организовал литературный конкурс очерков и легенд «Планета РГГУ. Это моя земля». Цель конкурса – вовлечение студентов в создание контента об альма-матер. Чтобы подготовить участников к конкурсу, на базе факультета были проведены семинары студенческого научного общества под руководством доцента, кандидата филологических наук Наны Размиковны Джавршян.

Для меня, как маркетолога и эксперта в сфере образования, подобные проекты особенно ценны. Проект «Планета РГГУ. Это моя земля» оживил достопримечательности, превратив их в сюжеты современных историй. Я уверен, что данный сборник станет источником вдохновения для будущих студентов, которые захотят рассказать свои истории о РГГУ и почувствовать принадлежность к нашему университетскому сообществу!

Алан Лазаревич Абаев,
декан факультета маркетинга и рекламы, доктор экономических наук,
профессор

Ткань университетского мира

Российский государственный гуманитарный университет – один из немногих университетов страны, где понятие «память» становится объектом исследования и частью повседневной жизни академического сообщества. Здесь история не отделена от современности: она живет в архитектуре, в музейных залах, в аудиториях, где читали лекции ученые, определившие гуманитарную мысль XX и XXI веков. Университет хранит научное наследие и атмосферу уважения к человеческой личности, к слову, к диалогу между поколениями.

Проекты, подобные конкурсу историй и легенд «Планета РГГУ. Это моя земля», рождаются именно в таком пространстве – где исследовательский интерес естественно переходит в творческое высказывание, а научное знание становится формой культурной памяти. Этот конкурс – творческая инициатива и часть гуманитарной миссии РГГУ: соединять научное, педагогическое и общественное измерения культуры.

Его замысел прост и одновременно глубок: вернуть в фокус внимания ткань университетского мира, которая обычно остается за пределами официальной истории. Ведь каждый университет – это не только здание, не только кафедры и библиотеки. Это пространство смыслов, где человеческие судьбы, идеи, события и места образуют сложную сеть взаимных связей.

Для меня этот конкурс имеет особое значение. Я пришел в РГГУ еще студентом – и с тех пор университет стал частью моей собственной биографии. За годы обучения здесь я понял, что гуманитарное образование невозможно без личного опыта переживания культуры, без внутреннего соучастия в тех процессах, о которых мы читаем в книгах и которые обсуждаем на лекциях.

Теперь, работая в университете, я все чаще думаю о том, что в каждом поколении студентов повторяется одно и то же чудо: РГГУ дает знания и формирует взгляд на мир. Это профессиональная реальность гуманитарного образования. Университет учит видеть связь между словом и пространством, между историей и современностью, между памятью и действием. И, возможно, именно это делает его уникальным.

Каждый преподаватель здесь, как и я когда-то, проходит путь от слушателя до исследователя, от участника студенческих инициатив до организатора собственных проектов. И в этой преемственности рождается профессиональная школа, особая форма университетской идентичности – когда ты не просто работаешь в РГГУ, а живешь им.

В этом смысле конкурс «Планета РГГУ. Это моя земля» близок мне не как внешнему наблюдателю, а как человеку, который знает, что за каждой легендой скрывается личное переживание. В университетских историях всегда есть нечто подлинное – в них сохраняется та эмоциональная энергия, которая и делает гуманитарную науку живой. Сегодня на факультете туризма и гостеприимства мы стремимся развивать то, что можно назвать «практической гуманитаристикой» – соединение исследовательского подхода, креативного мышления и проектной деятельности. Наши студенты работают не только с теорией, но и с реальными культурными объектами, пространствами и историями. Именно в этом – суть современной гуманитарной школы: научить видеть в культурном наследии не музейную реликвию, а живой ресурс развития общества и территорий.

Одним из примеров такого подхода стал курс «Конструктор легенд», где сторителлинг используется как инструмент изучения и продвижения культурных и туристских объектов. Этот курс помогает студентам освоить язык современных креативных индустрий, научиться рассказывать о местах и людях так, чтобы через текст оживала сама среда.

Студенты факультета туризма и гостеприимства активно участвуют в конкурсах историй и легенд проекта «Это моя земля» и нередко становятся их победителями. Конкурс «Планета РГГУ. Это моя земля» – не исключение, напротив, он стал продолжением уже сложившейся

традиции университетского сторителлинга. Особенно хотелось бы отметить конкурс «Новотроицк. Это моя земля», приуроченный к 80-летию города. Этот проект объединил культурное краеведение, научно-популярное письмо и современные цифровые форматы представления регионального наследия. В рамках федеральной программы «Больше, чем путешествие» наши студенты создавали собственные легенды и стали носителями смыслов – проводили мастер-классы для жителей Новотроицка, помогая людям по-новому взглянуть на историю родного города.

Во многом эта работа стала возможной благодаря партнерству с Федеральным центром гуманитарных практик РГГУ и деятельности Андрея Владленовича Сулейкова – продюсера центра, преподавателя нашего факультета, автора курса сторителлинга и продюсера киберпутеводителя «Это моя земля». Андрей Владленович – один из тех, кто формирует современное направление гуманитарной педагогики, в которой творчество становится способом познания. Его лекции и мастер-классы – это всегда разговор о смыслах, о человеческом в культурной памяти, о том, как слово способно оживить пространство. Его вклад выходит далеко за рамки преподавания. Как писатель, продюсер и исследователь, он создал десятки мобильных гидов по регионам России и СНГ.

Благодаря таким инициативам университетская среда получает новый импульс – наши студенты чувствуют себя не просто слушателями, а соавторами культурных процессов, участниками большой гуманитарной миссии РГГУ. Конкурс «Планета РГГУ. Это моя земля» стал важным шагом в осмыслении университетской памяти как живой традиции. В нем отражается дух РГГУ – открытого, внимательного к истории и людям, умеющего видеть в культуре источник развития и вдохновения. Эти тексты соединяют прошлое и настоящее университета, превращая индивидуальный опыт авторов в общую гуманитарную картину времени.

Верю, что этот сборник станет свидетельством творческой активности студентов, преподавателей, всех неравнодушных и напоминанием о том, что каждый из нас сохраняет культурное пространство РГГУ, продолжение его идей и смыслов для будущего.

Акрамов Александр Рустамович,
исполняющий обязанности декана факультета туризма и гостеприимства
Института евразийских и восточных исследований РГГУ, член Экспертного
совета по креативным индустриям Общественной палаты РФ

Привычное чудо

Сколько этажей в главном корпусе РГГУ?

Шесть!

А сколько этажей занимает музейная экспозиция?

Правильно, шесть!

Мы настолько привыкаем к чуду, что порой перестаем его замечать.

Каждое утро студенты РГГУ идут на лекции мимо шедевров Древнего Египта, Греции и Рима, мимо слепков с произведений эпохи Возрождения. В обеденный перерыв можно «улететь» в доколумбову Америку или «подняться в воздух» на летательных аппаратах Леонардо да Винчи. Есть риск опоздать на пару, засмотревшись на экспонаты, оригиналы которых хранятся в Лувре, Британском музее или Эрмитаже.

Ирина Антонова, президент ГМИИ им. Пушкина, говорила: «Думаю, для любого студента это не может пройти бесследно – почти каждый день видеть памятники...»

Но вот вопрос: достаточно ли просто видеть?

Мой опыт автора и преподавателя курса «Конструктор легенд» подсказывает, что нет. Чтобы появился интерес к теме, студенту нужно пережить эмоцию. А самые яркие эмоции рождаются в действии, в творчестве, в создании собственной истории.

Именно поэтому в рамках проекта «Планета Alma Mater» в контуре программы «Обучение служением» мы предложили студентам воспеть достопримечательности РГГУ. Присоединиться к мастер-классам по сторителлингу. Участвовать в творческой игре «Метаморфозы историй» под руководством игропрактика Наталии Бажановой. Превратить экспонаты музейных залов, легендарные аудитории и артефакты, имена знаменитостей РГГУ в героев собственных историй.

Литературный конкурс «Планета РГГУ. Это моя земля» стал проверкой этой гипотезы. И результат превзошел ожидания. Перед вами – сборник работ победителей. Здесь авторы говорят об университете голосами разных эпох и жанров.

Говорят, традиция жива интерпретацией. Сегодня студенты РГГУ заново осмыслили университет. Завтра создадут фильмы, графические новеллы о месте, которое стало их вторым домом. Послезавтра эти истории подвигнут абитуриентов выбрать РГГУ. Проект заинтересует студентов других вузов создать свои «Планеты Alma Mater». Так развивается образование. Так возникают легендарные истории.

Андрей Владленович Сулейков,
продюсер проектов «Это моя земля» и «Планета Alma Mater»
в Федеральном центре гуманитарных практик РГГУ, автор и преподаватель
курса «Конструктор легенд», лектор общества «Знание»

Жилка на запястье

Тимур Булгаков

«Если бы я была дочерью твоей мамы, она бы сошла с ума», – фраза Кристины не выходила из головы. И ее самодовольное лицо. Зачем, ну зачем, вообще, она ей рассказала? Яна сжимала пальцами подбородок и невидящим взглядом смотрела куда-то вперед и вниз. Между парами она наткнулась в тесном лифте на бывшую одноклассницу, которая училась теперь этажом ниже на факультете медиакоммуникаций. В школе они не то чтобы близко дружили, но общались довольно часто. А в университете почти не виделись, только наталкивались друг на друга время от времени. И вот сегодня Кристина утянула Яну пить бабл-ти в кофейню неподалеку. Там и захотелось хоть с кем-то поделиться тем, что волновало уже второй день.

Яна договорилась с мамой, что представит в эту субботу родителям своего молодого человека, который учится с ней в одной группе. Кристина сначала отпустила колкость по поводу имени Феди, сказав, что назвала бы так пуделя. А потом высмеяла опасение бывшей одноклассницы, что ее мама своими оценочными взглядами и дотошными расспросами обидит ее возлюбленного – человека независимого нрава. У самой Кристины, если только верить ей, ухажеры меняются один за другим, она спокойно водит их домой, и никто ей слова не говорит. Но больше всего задело доверительным тоном высказанное замечание по поводу Яниной мамы: якобы ее пытливый взгляд, действительно, способен напугать.

«На этом все!» – голос преподавателя прозвучал бодро, будто команда «Марш!» И все реагировали соответственно. Пока суматоха в аудитории не сменилась тишиной, Яна не шевельнулась. А потом девушка повернула голову к дверному проему и вздрогнула от его пустоты. И тут как-то неуклюже, будто в отъезжающий вагон, с озадаченной веселостью на лице заскочил обратно Федя. Когда она соврала ему, что в субботу вечером все отменяется из-за срочных дел родителей, его улыбка стала еще шире: «Найдем, чем заняться! Погнали в столовую до лекции, там сейчас очереди уже нет». «А я тоже не смогу, с ними еду», – продолжила выдумывать Яна. Ей показалось, что если она уйдет в субботу из дома, мама поймет, что что-то не так.

Во время лекции от мамы пришло сообщение. Яна схватила телефон с наклонной узкой столешницы и метнула взгляд вправо. Федя упирался животом в торец столешницы и читал своего Ремарка, будто молитвенник. Но Яна, все равно, развернула экран так, чтобы он не видел. Мама уже замариновала говядину для ростбифа на завтра и спрашивала, что обычно пьет Федор: отец по пути с работы заедет за вином. Девушка прикусила губу, разглядывая макушки однокурсников, сидящих на ряд ниже. Она не думала, что дома так серьезно будут готовиться. Теперь, если Федя не придет в гости, что о нем подумают?

«Мне мама написала, что все уладилось и нас ждут», – прошептала Яна на ухо Федору, мягко погладив его по плечу. Молодой человек резко повернул голову и вздернул брови, будто не понимал, при чем здесь он и зачем его отвлекают от книги. После лекции они разругались прямо в узком коридорчике у дверей в аудиторию. Федор уже договорился о встрече со старыми друзьями. Они полгода после окончания школы не могли собраться – то одно, то другое – и тут все сошлось. «Тебе важнее наши отношения или твои друзья? Они, что, не поймут?!» – Яна себя контролировала и перешла на крик специально, чтобы подчеркнуть важность вопроса. «А тебе важнее наши отношения или что подумают твои родители? Они, что, не поймут?» – Федор подчеркнул свою правоту жесткой чеканкой каждого слова. В возмущенном взгляде Яны под жалостливо вздернутыми бровями читалось ожидание: сейчас человек, которого она искренне любит, одумается и, возможно, даже извинится. Федор смотрел в ответ

с вызовом, тоже чего-то ожидая, потом резко развернулся и зашагал прочь. Девушка не изменила ни взгляда, ни позы, только ее сжатые губы стали как-то дергано двигаться.

Яна не понимала, куда ушел Федя, в буквальном смысле. В какую сторону он направился? Все вокруг – стены, окна, пол – хаотично струилось, проходящие мимо фигуры казались проплывающими видениями, сориентироваться не получалось. Яна решила выбраться на улицу и сначала уверенно двинулась вперед. Но на лестнице после пяти-шести ступенек вниз ее охватила растерянность. Она зачем-то вернулась, пошла направо, потом стала импульсивно менять направление в поисках ощущения правильного пути. Когда силы кончились, она резко замерла и стала ритмично дышать, чтобы унять грохот в груди.

«Вы тоже верите в эту ерунду? – женщина в строгом костюме сочувственно улыбнулась и продолжила, указывая на табличку с надписью, – это не Ромео и не Джульетта». Яна очнулась, огляделась и поняла, что находится на цокольном этаже здания в одном из залов со слепками из коллекции Пушкинского музея. Эти копии знаменитых скульптурных шедевров прошлого, созданные больше ста лет назад, сами уже стали исторической ценностью. Университет гордился тем, что они разместились в его стенах и студенты учатся одновременно и в храме знаний, и в храме искусств.

Табличка, в которую настойчиво тыкала пальцем женщина, гласила: «Надгробие Генриха II и Екатерины Медичи. Ж. Пилон». Яна поняла, что перед ней смотрительница, тихо извинилась и повернулась, чтобы уйти, когда женщина сказала: «От несчастной любви это не помогает». Оказалось, что в студенческой среде скульптурную пару на средневековом саркофаге окрестили Ромео и Джульеттой. Не помешала не только табличка с именем знаменитой королевы-отравительницы, но и косматая, явно не юношеская борода мертвого мужчины. По поверью, чтобы избавиться от чувства к кому-то, надо встать перед саркофагом и простоять час, не сходя с места. Правда, смотрительница только раз видела девушку, которая долго стояла перед надгробием и плакала, да и то минут пятнадцать от силы. А так тут обычно компанией приходят и смеются. И еще мужчина однажды зашел и простоял, задумавшись, больше получаса. Но было не похоже, что он пытался кого-то разлюбить.

Смотрительница со словами «а вы лучше туда...» показала в дальний угол зала и хотела еще что-то сказать, но потом резко взглянула на часы и с извинениями удалилась. Яна несколько минут просто стояла. А потом с выражением обиды на лице, словно делает то, что ее вынуждают, девушка медленно вставила наушники в уши, включила плейлист «Светлая печаль» на телефоне и стала смотреть на лежащих перед ней скульптурных мертвецов. У короля голова была закинута назад, и вместо его лица взгляд Яны упирался в холм бородастого подбородка. Лицо королевы, нежно склонившей голову чуть набок, выглядело умиротворенным, а после нескольких минут всматривания стало казаться, что гипсовая покойница облегченно выдыхает. В этот момент в наушниках заиграла одна из любимых песен Яны, «Шоколад и зефир» Тимура Булгакова:

Застывало время, когда она пела.
Чем-то мелким звеня, дергалось мое тело.
Она плакала тихо, смеялась мило.
Можно не вспомнить лицо,
не забыть, что любила
Шоколад
И зефир.
Жаль нельзя назад,
Снова в этот мир.

Яна резко выключила музыку и сильно прижала пальцы к губам. Она вспомнила дверной проем, который сегодня напугал ее своей пустотой. В реальности там через несколько секунд возник Федя, но в Яниных мыслях этого не происходило – так и зияла пустота. Девушку пронзила страшная мысль: если она сейчас разлюбит Федю, то потом может никогда больше не встретить того, к кому испытает это чувство. Яна решительно отдернула пальцы – она встретит, она обязательно встретит того, кто будет ценить и уважать ее, кто будет надежен и нежен. И она обязательно полюбит вновь... А если... А если нет? «Идиотизм!» – Яна с резким выдохом произнесла это вслух и огляделась по сторонам.

По залу ходила, сложив руки за спиной, новая смотрительница. Вспомнилось, что та, которая рассказала про Ромео и Джульетту, перед уходом ткнула пальцем куда-то в дальний угол, скрытый за колонной. Там оказались статуи женщин в облачении святых мучениц, бюст папы римского с недобрим лицом, еще какие-то средневековые изваяния. Но взгляд сразу приковал коротко стриженный бородач с зальсиной, одетый как владелец мрачного замка из готической страшной сказки. В согнутой в локте руке он держал перед собой массивное кольцо. На вопрос о том, что это за бюст, смотрительница пожала плечами: она недавно работает.

Яна вглядывалась в скупые черты лица гипсового мужчины и не могла понять, о чем он думает, изучая чье-то (интересно – чье?) кольцо в своих пальцах. Бюст был раскрашен в оттенки коричневого и, в отличие от однотонных соседей по залу, казался живым. Кожа лица и рук была пыльно-смуглой, как у старого вояки, который много лет смывал с себя чужую кровь. «Знаю только, что про статую эту выдумывают всякое, – раздался сзади голос смотрительницы, но Яна не обернулась. – Говорят, у него жилка там бьется на внутренней стороне запястья. Если увидишь, то надо представить того, кого надо, и он будет любить тебя до конца дней».

Не дождавшись реакции, смотрительница собралась отойти, но застыла в полуобороте. Яна изогнулась так, чтобы видеть изнутри запястье бородача, и сама стала похожа на гипсовую статую. Через минуту смотрительнице надоело это зрелище, и она с усмешкой пошла в центр зала. А девушка в той же странной позе все пыталась понять, почему у нее снова холодеет в груди, как до этого у надгробья. Даже если бы эти байки про статуи были правдой, чего страшного в том, что кто-то будет любить тебя всю жизнь? В голове запульсировало словосочетание «страх неудачи». Яна распрямилась. Все время этот страх. Почему любое действие вызывает чувство, что все пойдет не так? Хочется просто жить!

«Я все здание облазил! – с примирительной теплотой прогремел за спиной голос Феде, – Поговорим нормально?» Яна вскинула голову, улыбнулась одними глазами бородачу, развернулась и обняла ошалевшего молодого человека, который теперь тоже разглядывал бюст. Девушка вжалась лицом в Федину грудь, и в дрожащей тьме за зажмуренными веками пульсировала жилка на запястье Виллибальда Имхофа, купца и коллекционера произведений искусства, с интересом рассматривавшего старинное кольцо в своих пальцах.

Справка об объекте

**Учебный художественный музей
им. И. В. Цветаева,
Россия, г. Москва, ул. Чайнова, 15**

Учебный художественный музей им. И. В. Цветаева, открытый 30 июня 1997 года, является отделом Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и составной частью Музейного центра Российского государственного гуманитарного университета. В семи залах музея представлено 750 слепков и копий с памятников искусства Древнего Египта и Передней Азии,

Древней Греции, Рима, европейского Средневековья и эпохи Возрождения, хранящихся в главных музеях Парижа, Лондона, Берлина, Каира, Санкт-Петербурга, а также во многих музеях Италии, Германии, Нидерландов и др.

Все упомянутые гипсовые копии шедевров мирового искусства располагаются на цокольном этаже 7 корпуса университета в Зале 7, посвященном европейскому искусству Средних веков и эпохи Возрождения.

Оригинал нижней части надгробия французского короля Генриха II и его жены Екатерины Медичи находится в церкви аббатства Сен-Дени в Париже. Изготовлен из мрамора между 1563 и 1571 годами скульптором и художником-медальером французского Ренессанса Жерменом Пилоном (1537—1590). Расписной терракотовый бюст нюрнбергского купца, коллекционера произведений искусства Виллибальда Имхофа создан Йоханом Грегор ван дер Шардтом, голландским и датским скульптором, выдающимся представителем Северного Возрождения. Оригинал находится в Музее Боде в Берлине.

Источник: <https://www.pushkinmuseum.art/museum/buildings/cvetaev/index.php?lang=ru>

Два почерка Татьяна Васильева

Владимир Буков нервно постукивал пальцами по столу, глядя на экран ноутбука. Конференц-зал №273 был пуст и тих, только гудение кондиционера нарушало тишину. Через три дня здесь соберутся все, кто имеет хоть какое-то отношение к истории декабристского движения в РГГУ. Три года работы, бесконечные часы в архивах, командировки в Петербург и Иркутск – все ради этого момента.

Он еще раз пролистал презентацию. На слайдах – фотографии пожелтевших страниц дневника Николая Крюкова, малоизвестного участника восстания на Сенатской площади. Дневники эти всплыли неожиданно – их обнаружили в частной коллекции потомков купеческой семьи из Тобольска. Владимир был первым, кто получил к ним доступ.

– Ну что, Крюков, не подведи, – пробормотал Владимир, закрывая ноутбук.

В свои тридцать два он уже считался перспективным историком, но эта находка могла стать настоящим прорывом. Дневники охватывали период с 1823 по 1835 год – от вступления Крюкова в тайное общество до его смерти в сибирской ссылке. Такой полный документ, охватывающий и подготовку восстания, и следствие, и жизнь в Сибири, – настоящая сенсация.

Владимир потер усталые глаза. Последние дни он почти не спал, перепроверя каждую деталь своего исследования. Конференц-зал №273 казался сейчас слишком большим и пустым. Старинная лепнина на потолке, тяжелые шторы на высоких окнах, ряды кресел с темно-бордовой обивкой – все это словно наблюдало за ним с молчаливым скептицизмом.

– Три дня, – сказал он вслух, поднимаясь. – Три дня, и все решится.

Он собрал бумаги, закинул ноутбук в сумку и направился к выходу. Впереди был еще один вечер в архиве – хотелось перепроверить несколько цитат для доклада.

Архивный зал был почти пуст. Вечер вторника – не самое популярное время для исследовательской работы. Владимир устроился за привычным столом у окна, разложив перед собой копии документов. Он методично сверял цитаты из дневника Крюкова с текстом своего доклада, когда архивариус Анна Сергеевна поставила перед ним картонную папку.

– Владимир Андреевич, вы же Крюковым занимаетесь? Посмотрите, что нашлось при оцифровке фонда Муравьевых. Письмо, адресованное Никите Муравьеву, подпись – Н. Крюков, датировано мартом 1821 года.

Владимир благодарно кивнул, но внутри все напряглось. Новый документ перед самым выступлением – всегда риск. Он осторожно открыл папку. Пожелтевший лист бумаги, аккуратно вложенный в прозрачный конверт. Почерк четкий, с характерным наклоном вправо. Владимир пробежал глазами по строчкам – обычное дружеское письмо с обсуждением книжных новинок.

Он уже собирался отложить документ, когда что-то заставило его замереть. Почерк. Он перевел взгляд на раскрытую копию дневника, затем снова на письмо. Сердце пропустило удар. Почерк в письме определенно принадлежал Крюкову – характерная манера написания заглавных букв не оставляла сомнений. Но он заметно отличался от почерка в некоторых частях дневника, особенно в записях после 1826 года.

– Анна Сергеевна, можно это письмо сфотографировать? – голос звучал глухо.

– Конечно, только без вспышки.

Владимир достал телефон, сделал несколько снимков, стараясь унять дрожь в руках. Вернувшись к своему столу, он лихорадочно сравнивал фотографии письма с изображениями страниц дневника. Сомнений не оставалось – почерк в поздних записях дневника отличался от раннего почерка Крюкова. Более округлый, с меньшим нажимом, хотя и очень похожий.

Он откинулся на спинку стула. Три года работы, десятки публикаций, доклад через три дня – и все может рухнуть из-за одного письма. Если дневник поддельный, если это искусная мистификация...

Владимир механически собрал бумаги, поблагодарил Анну Сергеевну и вышел на вечернюю улицу. Голова гудела от вопросов, на которые не было ответов.

Утро дня презентации выдалось пасмурным. Владимир почти не спал последние две ночи, пытаясь найти объяснение различиям в почерке. Он перебрал все возможные версии: от травмы руки Крюкова до подделки части дневника. Ничто не складывалось в убедительную картину.

Конференц-зал №273 встретил его прохладой и тишиной. До начала мероприятия оставалось почти два часа, но Владимир решил прийти заранее – настроить технику, собраться с мыслями, может быть, внести последние правки в доклад. Хотя какие правки? Он до сих пор не знал, что скажет коллегам о своем открытии.

Расставив на столе бумаги, он подключил ноутбук к проектору и вывел на экран первый слайд презентации: «Дневники Н. А. Крюкова как исторический источник».

– Доброе утро! Вы уже здесь? – женский голос заставил его обернуться.

В дверях стояла невысокая женщина лет тридцати пяти, с короткой стрижкой и внимательными серыми глазами.

– Я Елена, из отдела организации научных мероприятий, – она подошла ближе. – Проверю готовность зала. Техника работает?

– Да, все в порядке, – Владимир попытался улыбнуться, но вышло неубедительно.

Елена окинула его оценивающим взглядом.

– А вот вы, кажется, не в порядке. Волнуетесь перед выступлением?

Владимир хотел отмахнуться, сказать что-то формальное, но неожиданно для себя выпалил:

– Я, кажется, обнаружил, что документ, которым я занимался три года, может оказаться подделкой.

Он сам не понял, почему рассказал об этом незнакомому человеку. Может быть, просто нужно было выговориться.

Елена не выказала удивления.

– Можно взглянуть? – спросила она, кивнув на ноутбук.

– Вы разбираетесь в исторических документах?

– Я работала в отделе реставрации Исторического музея, прежде чем перейти сюда. Бумага, чернила, почерки – это моя специальность.

Владимир открыл файлы с фотографиями дневника и недавно обнаруженного письма. Елена склонилась над экраном, внимательно изучая изображения.

– Интересно, – пробормотала она. – Вы заметили разницу в нажиме? И посмотрите на эти петли в буквах... – она увеличила фрагмент текста. – Это определенно женский почерк, хотя и очень похожий на мужской из раннего документа.

– Женский? – Владимир недоверчиво посмотрел на экран.

– Да, я почти уверена. Кто-то очень старательно имитировал почерк вашего декабриста, но некоторые особенности выдают женскую руку.

Владимир замер, пытаясь осмыслить услышанное. Женский почерк в дневнике декабриста? И вдруг его осенило.

– Екатерина... – прошептал он. – Жена Крюкова.

Владимир лихорадочно листал файлы на ноутбуке, открывая фотографии страниц дневника.

– Смотрите, – он указал на даты записей. – Изменения в почерке начинаются с января 1826 года. Крюков был арестован в декабре 1825, сразу после восстания.

Елена склонилась над экраном, внимательно изучая изображения.

– Здесь и здесь, – она указывала на отдельные буквы. – Видите эти закругления? И нажим гораздо слабее. Кто-то очень старался копировать почерк, но выдают мелкие детали.

Владимир откинулся на спинку стула, пытаясь собрать мысли. Конференц-зал словно отступил куда-то, остались только они вдвоем и эти пожелтевшие страницы на экране.

– Екатерина Крюкова, – произнес он задумчиво. – После ареста мужа она продала имение и последовала за ним в Сибирь. Это известный факт. Но что, если... – он замолчал, боясь произнести вслух внезапную догадку.

– Если она продолжила вести его дневник? – закончила за него Елена. – Это объяснило бы разницу в почерке.

Владимир вскочил и начал ходить по залу, слова полились потоком:

– Это меняет все! Понимаете? Если Екатерина продолжала дневник от имени мужа, значит, записи после 1826 года – это ее взгляд на события, ее голос! Женщина, документирующая жизнь декабристов в ссылке, сохраняющая память...

Он резко остановился и посмотрел на часы – до начала конференции оставалось сорок минут.

– Мне нужно полностью переделать доклад.

– Успеете? – в голосе Елены звучало сомнение.

Владимир уже склонился над ноутбуком, быстро внося изменения в презентацию.

– Должен успеть. Это не просто исправление ошибки – это совершенно новый взгляд на источник.

Он лихорадочно печатал, переставлял слайды, добавлял новые акценты. Елена молча наблюдала, иногда предлагая формулировки.

– Вот, смотрите, – Владимир открыл страницу с записью от марта 1827 года. – Здесь описывается прибытие новой партии ссыльных в Читинский острог. Детали быта, разговоры, настроения – все передано с такой точностью. Я всегда удивлялся, откуда у Крюкова эта информация, ведь он сидел в другом остроге. А это писала Екатерина, она могла общаться с женами других декабристов!

В дверь конференц-зала заглянул седой профессор:

– Владимир Андреевич, вы готовы? Люди уже собираются.

Владимир выпрямился, глубоко вдохнул и кивнул:

– Да, Игорь Павлович. Начинаем через полчаса, как и планировали.

Когда профессор ушел, Владимир повернулся к Елене:

– Спасибо вам. Без вашего взгляда я бы не понял, что передо мной не подделка, а... – он запнулся, подбирая слова.

– Акт любви, – тихо сказала Елена. – Екатерина продолжила голос мужа, когда его собственный был вынужден замолчать.

Владимир кивнул и сохранил изменения в презентации. За окнами конференц-зала №273 начинало светлеть небо, а в коридоре уже слышались голоса первых участников конференции.

Конференц-зал №273 постепенно пустел. Участники расходились группами, оживленно обсуждая услышанное. Владимир стоял у кафедры, отвечая на последние вопросы коллег. Его доклад вызвал настоящий фурор – неожиданный поворот исследования, новый взгляд на роль женщин в сохранении исторического наследия декабристов, свежая интерпретация давно известных фактов.

– Блестяще, Владимир Андреевич, – профессор Игорь Павлович крепко пожал ему руку. – Признаюсь, когда вы начали говорить о разнице в почерках, я думал, что сейчас последует разоблачение подделки. А вы преподнесли нам настоящее открытие.

– Спасибо, Игорь Павлович. Хотя, признаюсь, еще вчера я сам был в панике, думая, что имею дело с фальсификацией.

Когда последние участники покинули зал, Владимир наконец выдохнул и опустился в кресло первого ряда. Напряжение последних дней отступало, сменяясь усталостью и странной легкостью. Он закрыл глаза, вспоминая моменты выступления – внимательные взгляды, кивки, вопросы. Кажется, его идея о том, что Екатерина Крюкова продолжила дневник мужа, была принята научным сообществом.

– Можно войти? – голос Елены вернул его к реальности.

Она стояла в дверях с двумя стаканчиками кофе.

– Подумала, что вам не помешает, – она протянула ему один из стаканчиков и села рядом. – Поздравляю. Судя по реакции, ваше выступление имело успех.

– Благодаря вам, – Владимир сделал глоток горячего кофе. – Без вашего наблюдения я бы не догадался о роли Екатерины.

Елена покачала головой:

– Я просто заметила особенности почерка. Вы сами связали это с историческим контекстом.

Они помолчали. За окнами конференц-зала начинался дождь, капли барабанили по стеклу, создавая уютный фоновый шум.

– Знаете, – наконец произнес Владимир, – я думаю продолжить это исследование. Роль жен декабристов в сохранении исторической памяти – тема почти не изученная. Екатерина Крюкова, Мария Волконская, Александра Муравьева... Они не просто следовали за мужьями, они создавали и сохраняли историю.

– Звучит интересно, – Елена задумчиво смотрела на дождь за окном. – Я могла бы помочь с анализом документов, если вам понадобится.

Владимир повернулся к ней:

– Вы серьезно? Это было бы замечательно. Ваш опыт работы с историческими материалами...

– Не только это, – перебила Елена. – Мне кажется важным рассказать эти истории. О женщинах, которые продолжали дело своих мужей, сохраняли их голоса, когда сами они были вынуждены замолчать.

Владимир кивнул. Он вспомнил строки из дневника, которые теперь воспринимал совсем иначе: «Сегодня получил известие о смерти Пестеля. Горько осознавать, что уходят лучшие из нас, а их идеи остаются непонятыми современниками. Но я верю, что придет время, когда наши слова будут услышаны».

Теперь он знал, что эти строки написаны рукой Екатерины Крюковой. Женщины, которая не просто сохранила память о муже, но и дала ему возможность говорить даже после того, как его собственный голос был подавлен.

– Так что, – Елена поставила пустой стаканчик на подлокотник кресла, – когда начинаем?

За окнами конференц-зала №273 дождь усиливался, но внутри было тепло и спокойно. Два человека, только что раскрывшие тайну, хранившуюся почти двести лет, обсуждали планы нового исследования, которое могло изменить представление об эпохе.

Справка об объекте

Аудитория №273 – конференц-зал,

Россия, г. Москва, ул. Чайнова, 15

В конференц-зале РГГУ регулярно проходят презентации международных проектов, встречи с известными иностранными учеными, политиками, дипломатами и деятелями искусств. Участвуя в инновационных проектах ООН, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО и других международных организаций, через активную академическую мобильность РГГУ внедряет стратегию интернационализации образования.

Источник: <https://www.rsuh.ru/sandbox/pano/>

У главного входа Святослав Климиров

Денис всегда приходил в университет раньше остальных. Ему нравилось ощущение пустых коридоров, тишина, которая скоро растворится в гуле голосов. Главный вход РГГУ на Миусской площади в эти утренние часы казался особенно величественным – солнечные лучи скользили по старинному фасаду, подчеркивая каждую архитектурную деталь.

В этот сентябрьский день Денис задержался у входа дольше обычного. Его внимание привлекла девушка, сидевшая на скамейке напротив здания. Она что-то быстро набрасывала в альбоме, время от времени поднимая взгляд на университет. Темные волосы, собранные в небрежный пучок, тонкие пальцы, уверенно державшие карандаш – все это почему-то заставило его замедлить шаг.

Денис поправил лямку рюкзака и прошел мимо, стараясь не выдать своего интереса. С его позиции он не мог разглядеть, что именно она рисует, но ее сосредоточенность говорила о серьезном отношении к делу. Что-то в ее позе, в том, как она изучала здание, заставило его задуматься: она видела то же, что и он, но, возможно, совершенно иначе.

На следующий день она снова была там. И через день тоже. Денис начал специально приходиться раньше, чтобы увидеть ее. Он даже придумал себе оправдание – нужно повторить материал перед семинаром – хотя на самом деле просто наблюдал за ней издалека, делая вид, что изучает расписание на стенде.

– Ты историк? – спросил как-то его однокурсник Костя, заметив, куда направлен взгляд Дениса.

– Почему ты спрашиваешь? – Денис отвел глаза от скамейки.

– Потому что ты смотришь на здание так, будто пытаешься разгадать его тайны, – усмехнулся Костя. – Или дело не в здании?

Денис пожал плечами и ничего не ответил. Он и сам не понимал, почему эта незнакомка с альбомом так его заинтересовала. Может, потому что она, как и он, видела в этом месте что-то особенное. Что-то большее, чем просто университет.

Осенний ветер усилился, подхватывая опавшие листья и закручивая их в маленькие вихри. Денис спешил на утреннюю лекцию, перебирая в голове даты исторических событий. Он был так погружен в свои мысли, что не заметил, как порыв ветра вырвал несколько листов из его небрежно закрытой папки.

– Эй, постой! Ты теряешь свои конспекты! – окликнул его женский голос.

Денис обернулся. Та самая девушка со скамейки бежала к нему, держа в руках его разлетевшиеся листы. Ее альбом был зажат под мышкой, а карандаш заткнут за ухо.

– Спасибо, – пробормотал он, когда она протянула ему бумаги. – Я бы даже не заметил.

– Судя по содержанию, это важные записи, – она улыбнулась. – Что-то про аграрную реформу Столыпина?

– Да, у меня сегодня доклад, – Денис почувствовал, как краснеет. Он столько дней наблюдал за ней издалека, а теперь не знал, что сказать.

– Удачи с докладом, – она уже собиралась уйти, когда Денис наконец решился.

– Я Денис. Часто вижу, как ты рисуешь здесь.

– София, – она протянула руку. – Я на культурологии учусь. Делаю серию зарисовок исторических зданий Москвы для проекта.

Их разговор прервал звонок на пару. Денис посмотрел на часы и понял, что опаздывает.

– Мне нужно бежать, – он замялся, не зная, как продолжить знакомство.

– Я обычно здесь по утрам, – как будто прочитав его мысли, сказала София. – Если захочешь поговорить о Столыпине или о чем-нибудь еще.

Проходя через главный вход, Денис обернулся. София уже вернулась к своей скамейке и снова открыла альбом. Что-то в этой картине – девушка, рисующая старинное здание, окруженная кружащимися осенними листьями – заставило его сердце биться чаще.

– Ты опоздал, – шепнул Костя, когда Денис проскользнул в аудиторию. – И улыбаешься как идиот.

– Я познакомился с ней, – так же шепотом ответил Денис.

– С кем?

– С девушкой, которая рисует у входа.

Костя присвистнул, за что тут же получил неодобрительный взгляд от преподавателя.

– И как ее зовут? – спросил он, когда внимание преподавателя переключилось на доску.

– София, – произнес Денис, и это имя прозвучало для него как начало чего-то нового.

Главный вход РГГУ стал для них особенным местом. Каждое утро Денис приходил раньше, чтобы встретиться с Софией. Иногда они просто сидели рядом – она рисовала, он читал. В другие дни разговаривали обо всем на свете: об истории, искусстве, о своих мечтах.

– Почему именно входы? – спросил как-то Денис, разглядывая ее альбом с набросками различных дверей и порталов московских зданий.

София задумчиво провела пальцем по контуру нарисованной арки.

– Входы – это границы между мирами, – она подняла глаза на массивные двери университета. – Каждый раз, проходя через них, мы становимся немного другими. Особенно такие, с историей.

Денис никогда не думал об этом так. Для него двери были просто дверями. Но теперь, глядя на них глазами Софии, он начал замечать детали, которых раньше не видел.

Их отношения развивались постепенно. Сначала встречи у входа, потом совместные прогулки после пар, затем кафе неподалеку от университета. София показывала ему Москву через призму своего восприятия – город дверей, порогов и переходов.

– Смотри, – она указала на старинный дворик недалеко от Миусской площади. – Эта арка помнит еще дореволюционную Москву. Представляешь, сколько людей прошло через нее? Каждый со своей историей.

В такие моменты Денис видел, как загораются ее глаза, и влюблялся все сильнее.

Однажды, когда они сидели в университетской библиотеке, София получила письмо. Денис заметил, как изменилось ее лицо, когда она читала его.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Мне предложили стажировку в Русском музее в Петербурге, – ее голос звучал неуверенно. – На полгода.

Денис почувствовал, как что-то сжалось внутри.

– Это же здорово, – он попытался улыбнуться. – Когда нужно дать ответ?

– До конца недели, – София закрыла ноутбук. – Я давно мечтала об этом, но сейчас...

Она не закончила фразу, но Денис понял. Их отношения только начались, а жизнь уже ставила перед выбором.

В следующие дни что-то изменилось. Они по-прежнему встречались у главного входа, но между ними появилась невысказанная тревога. София была рассеянной, часто смотрела куда-то вдаль. Денис не знал, что сказать. Он понимал, что не имеет права просить ее отказаться от такой возможности.

– Ты должна согласиться, – сказал он наконец, когда они стояли у того самого входа, где все началось.

– А как же мы? – София смотрела на него с болью в глазах.

Денис не знал ответа на этот вопрос. Он только знал, что не хочет ее отпускать, но еще больше не хочет стать препятствием на ее пути.

Последний день перед отъездом Софии выдался пасмурным. Тяжелые облака нависли над Миусской площадью, словно отражая настроение Дениса. Он стоял у главного входа РГГУ, нервно поглядывая на часы. София опаздывала на их последнюю встречу.

Когда она наконец появилась, Денис сразу заметил, что что-то не так. Обычно собранная и спокойная, сегодня София выглядела взволнованной. В руках она держала свой альбом – тот самый, в котором были все ее зарисовки входов и дверей.

– Прости за опоздание, – она остановилась напротив него. – Я не могла решить, что делать с этим.

София протянула ему альбом. Денис осторожно взял его, не понимая.

– Зачем ты отдаешь его мне?

– Открой, – тихо сказала она.

Денис перелистал страницы. Знакомые наброски – входы в исторические здания Москвы, арки старых дворов, двери музеев. И среди них – десятки вариаций главного входа РГГУ. С разных ракурсов, в разное время дня, при разном освещении.

– Я не могу взять его с собой, – голос Софии дрогнул. – Каждый раз, когда я буду его открывать, я буду вспоминать... и не смогу сосредоточиться на новом.

Денис закрыл альбом. Что-то в ее словах задело его.

– То есть ты хочешь все забыть? – он не смог скрыть горечь в голосе. – Оставить здесь и начать с чистого листа?

– Нет! – София схватила его за руку. – Я просто боюсь, что не справлюсь. Что расстояние все разрушит. Что через полгода мы станем чужими.

Они стояли молча, глядя друг на друга. Вокруг них проходили студенты, спешащие на пары, но для Дениса и Софии время словно остановилось.

– Знаешь, что я понял, глядя на твои рисунки? – наконец произнес Денис. – Ты рисуешь не просто двери. Ты рисуешь возможности. Каждый вход – это шанс войти куда-то в новое, не теряя того, что было до этого.

София смотрела на него, не отрывая взгляда.

– Я не хочу, чтобы ты оставляла свой альбом, – продолжил он. – И я не хочу, чтобы ты отказывалась от стажировки. Это твой шанс, твой новый вход.

– А как же мы? – ее голос был едва слышен.

Денис взял ее за плечи и развернул лицом к главному входу университета.

– Видишь эти двери? Они стоят здесь больше века. Люди приходят и уходят, а они остаются. Пусть это будет наше место. Не важно, где мы будем – в разных городах или странах – мы всегда будем знать, что есть место, которое соединяет нас.

София молчала, но Денис видел, как в ее глазах что-то меняется. Страх уступал место надежде.

– Ты веришь, что мы справимся? – спросила она.

– Я верю в нас, – просто ответил Денис. – И в этот вход.

Петербургская зима выдалась снежной. София часто писала Денису о промозглом ветре с Невы, о величественных зданиях, покрытых инеем, о новых входах и порталах, которые она открывала для себя в северной столице. Их переписка была насыщенной – фотографии, голосовые сообщения, длинные видеозвонки по вечерам.

Но что-то неуловимое ускользало через экран телефона. Денис чувствовал это каждый раз, когда проходил через главный вход РГГУ. Он замедлял шаг, вспоминая, как они сидели здесь с Софией, как она рисовала, закусив губу от сосредоточенности.

В один из таких дней, когда до окончания ее стажировки оставался месяц, Денис получил странное сообщение: «Проверь почтовый ящик». Вечером в его квартире он обнаружил плотный конверт. Внутри лежал лист бумаги с рисунком – главный вход Русского музея, выполненный в знакомой манере Софии. На обороте было написано: «Некоторые входы стоит пройти дважды».

Денис долго смотрел на рисунок, не понимая, что она имеет в виду. А через неделю, когда он в очередной раз подходил к университету, у главного входа он увидел знакомую фигуру.

София стояла, прислонившись к колонне, с альбомом в руках – тем самым, который она хотела оставить ему перед отъездом.

– Ты... – Денис остановился в нескольких шагах от нее, не веря своим глазам. – Твоя стажировка...

– Я закончила проект раньше, – она улыбнулась. – И решила, что некоторые двери нельзя оставлять закрытыми слишком долго.

Они стояли у входа, не решаясь сделать шаг навстречу, словно боясь спугнуть момент.

– Я много думала о том, что ты сказал перед моим отъездом, – наконец произнесла София. – О входах как о возможностях. И поняла, что самая важная возможность для меня – это ты.

Денис молча обнял ее, чувствуя, как отступает холод зимы.

– Я хочу показать тебе кое-что, – София открыла альбом.

На последних страницах были наброски входов Петербурга – строгие линии Эрмитажа, изящные арки Петергофа, массивные двери Исаакиевского собора. Но среди них, на отдельном развороте, был рисунок главного входа РГГУ – более детальный и проработанный, чем все предыдущие.

– Я рисовала его по памяти, – тихо сказала София. – Каждый день. Чтобы не забыть дорогу обратно.

Денис провел пальцем по контуру нарисованных дверей.

– Знаешь, что я понял за эти месяцы? – он посмотрел на настоящий вход, возвышающийся перед ними. – Дело не во входах и дверях. Дело в том, кто ждет тебя по ту сторону.

София взяла его за руку, и они вместе поднялись по ступеням. Проходя через главный вход, Денис почувствовал, что София была права с самого начала – некоторые пороги действительно меняют нас. Но иногда самые важные изменения происходят не когда мы входим в новую дверь, а когда возвращаемся в ту, что стала для нас особенной.

Справка об объекте

Главный вход в РГГУ, Россия, г. Москва, ул. Чайнова, 15

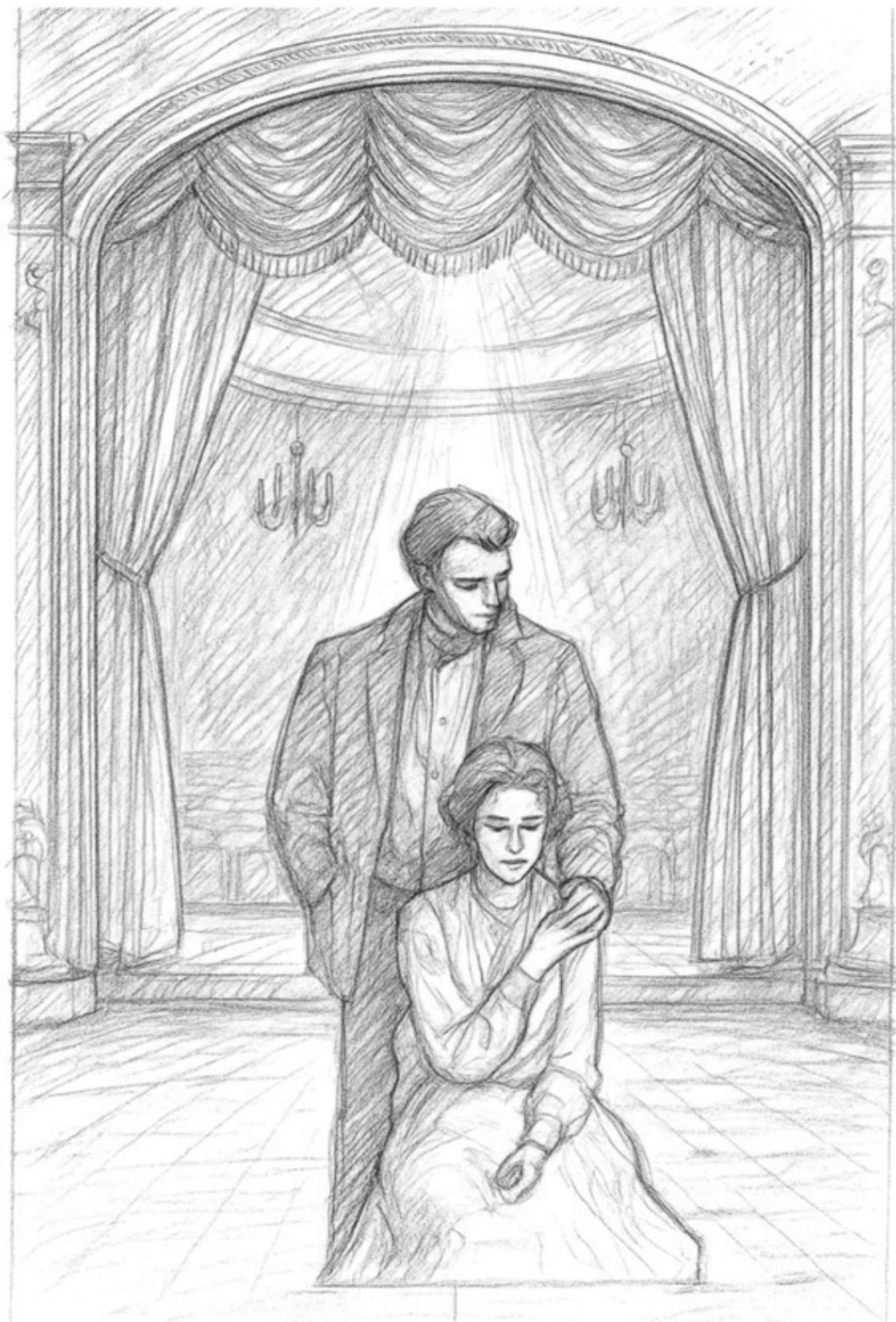
История Российского государственного гуманитарного университета соткана многими выдающимися людьми, которые входили в двери главного корпуса.

Архитектура здания РГГУ сочетает в себе черты модернизма и функционализма, что отражает стремление того времени к созданию простых, но эффективных конструкций. Фасад здания достаточно строг и лаконичен, с преобладанием прямых линий и геометрических форм. Однако в этом минимализме чувствуется внимание к деталям и гармония.

Одной из особенностей здания является использование больших окон, которые создают ощущение простора и света в помещениях. Это также способствует улучшению рабочей атмосферы для студентов и преподавателей. Внутреннее пространство здания отличается функци-

ональностью и продуманным расположением помещений, которые соответствуют требованиям современного образовательного процесса.

Источник: <https://boxdari.ru/place/zdanie-rggu/>

Сцена на двоих Владимир Михайлов

Максим переминался с ноги на ногу у входа в аудиторию на Чайнова, 15. Из-за двери доносились голоса, смех и какая-то возня. Он в третий раз проверил сообщение от Димки: «Театральный клуб, среда, 18:00. Не вздумай соскочить!» Часы показывали 18:07. Можно было развернуться и уйти – опоздал, не нашел, передумал. Отговорок хватало.

– Ты на занятие? – раздалось за спиной.

Максим вздрогнул и обернулся. Перед ним стояла невысокая девушка с копной рыжих волос, собранных в небрежный пучок.

– Я... да, наверное, – неуверенно ответил он.

– Тогда идем, – она решительно толкнула дверь. – Я тоже опоздала, но Михал Саныч добрый.

Максим машинально последовал за ней. В просторной аудитории студенты сидели прямо на полу, образуя круг. В центре стоял высокий мужчина с аккуратной бородкой.

– А, Алиса! И новенький? Присоединяйтесь, – он жестом указал на свободное место в кругу.

Максим неловко опустился на пол, чувствуя себя не в своей тарелке. Исторический факультет, библиотека, архивы – вот его стихия. А здесь... Он украдкой оглядел присутствующих. Человек пятнадцать, в основном девушки, все какие-то... раскрепощенные. Не его мир.

– Сегодня работаем с партнером, – объявил Михаил Александрович. – Разбиваемся на пары и делаем упражнение «Зеркало». Один показывает движение, другой повторяет. Потом меняетесь.

Все начали вставать и искать себе пару. Максим остался сидеть, надеясь, что его не заметят.

– Эй, историк, – рыжая девушка Алиса остановилась перед ним. – Будешь моим зеркалом?

– Откуда ты знаешь, что я с истфака? – удивился Максим.

– У тебя на сумке значок с Клио, – она улыбнулась. – Ну так что, работаем вместе?

Максим кивнул, поднимаясь. Он чувствовал себя неуклюжим медведем среди порхающих бабочек. Димка точно получит за это. Притащил его сюда, а сам, видите ли, заболел в последний момент.

– Я начну, – сказала Алиса, становясь напротив. – Просто повторяй за мной.

Она подняла руки и начала плавно двигаться, словно рисуя что-то в воздухе. Максим неуклюже попытался повторить.

– Не думай, – тихо сказала она. – Просто смотри и делай. Твое тело умнее, чем ты думаешь.

– Отлично, теперь поменяйтесь ролями, – голос Михаила Александровича разнесся по аудитории. – Ведущий становится зеркалом, зеркало – ведущим.

Алиса опустила руки и выжидающе посмотрела на Максима.

– Твоя очередь, историк.

Максим замер. Что ему делать? Какие движения показывать? Он неуверенно поднял правую руку, потом левую. Алиса точно повторила его движения, не сводя глаз с его лица. Это было странно – кто-то настолько внимательно следил за каждым его жестом. Постепенно скованность начала отступать. Он сделал шаг вправо, потом влево. Наклонил голову. Изобразил, будто поднимает что-то тяжелое с пола.

– Хорошо, – одобрительно кивнула Алиса, в точности копируя его движения. – Не бойся быть смешным.

Максим неожиданно для себя начал изображать, будто карабкается на невидимую стену. Алиса повторяла каждое движение с удивительной точностью. Это было похоже на танец, в котором они идеально чувствовали друг друга.

– Стоп! – хлопнул в ладоши Михаил Александрович. – Теперь новое упражнение. Этюд-импровизация. Каждая пара получает ситуацию и должна ее разыграть. Без подготовки, здесь и сейчас.

Он начал обходить пары, давая каждой задание. Дойдя до Максима и Алисы, он на секунду задумался.

– Так, у нас тут новенький... Давайте что-нибудь простое. Встреча двух старых друзей, которые не виделись много лет.

Максим почувствовал, как внутри все сжалось. Импровизировать? Перед всеми? Он хотел отказаться, но Алиса уже отошла на несколько шагов и повернулась к нему спиной.

– Начинаем по моему сигналу, – объявил Михаил Александрович. – Три, два, один... Поехали!

Алиса резко обернулась, и ее лицо озарилось такой искренней радостью, что Максим на мгновение забыл, что это игра.

– Макс? Максим Ковалев? Не может быть! – она бросилась к нему, остановившись в полшаге. – Сколько лет, сколько зим!

Что-то щелкнуло внутри. Он вдруг почувствовал себя другим человеком – тем, кто действительно не видел старого друга много лет.

– Алиса? – его голос прозвучал удивленно и радостно одновременно. – Ты совсем не изменилась!

Он шагнул вперед и неловко обнял ее. Она пахла апельсинами и какими-то травами.

– Где ты пропадал все это время? – Алиса отстранилась, внимательно глядя ему в глаза. – Я искала тебя в соцсетях, но ты как сквозь землю провалился.

Максим неожиданно для себя начал рассказывать историю о путешествиях, археологических раскопках, о жизни в маленьких городках без интернета. Слова лились свободно, будто он действительно все это пережил. Алиса слушала, задавала вопросы, смеялась. Они словно создавали общий мир, в котором существовали только они вдвоем.

– Bravo! – хлопок Михаила Александровича вернул их в реальность. – Вот это я понимаю – химия на сцене! Максим, для новичка просто отлично.

Максим моргнул, возвращаясь в реальность. Что это было? Как он, никогда не интересовавшийся театром, смог так... раскрыться?

Алиса улыбнулась ему, и в ее глазах читалось удивление.

– А ты говорил, что никогда не занимался театром, – тихо сказала она. – По-моему, ты врешь, историк.

Максим стал приходить на занятия каждую среду и пятницу. Сначала он говорил себе, что это просто способ отвлечься от бесконечных конспектов и архивных документов. Потом – что ему интересно наблюдать за другими. Но правда была в том, что он ждал этих встреч с Алисой.

– Сегодня работаем над сценической речью, – объявил Михаил Александрович в начале октября. – Разбиваемся на пары и читаем диалоги из пьес.

Максим автоматически посмотрел на Алису. Она уже шла к нему с листками в руках.

– Нам досталась сцена из «Вишневого сада», – сказала она, протягивая ему текст. – Ты – Лопахин, я – Варя.

Они отошли в угол аудитории. Максим пробежал глазами текст и нахмурился.

– Это же сцена несостоявшегося объяснения в любви.

– Именно, – кивнула Алиса. – Два человека, которые не могут сказать друг другу самого главного. Начинаем?

Они начали читать, сначала неуверенно, потом все более погружаясь в текст. Максим чувствовал, как слова Чехова оживают, наполняются новым смыслом. Когда они закончили, в аудитории стояла тишина.

– Вот это я понимаю – работа с подтекстом, – Михаил Александрович подошел к ним. – Вы двое... у вас особая энергетика на сцене. Хотите подготовить этот отрывок для итогового показа в декабре?

Алиса вопросительно посмотрела на Максима. Он кивнул, не задумываясь.

После занятия они пошли в кафе неподалеку. Это стало их традицией – обсуждать тренировки за чашкой чая.

– Как ты это делаешь? – спросила Алиса, грея руки о чашку.

– Что именно?

– На сцене ты другой человек. Открытый, эмоциональный. А потом занятие заканчивается, и ты снова надеваешь свою броню.

Максим пожал плечами, избегая ее взгляда.

– Это просто упражнения. Я играю роль.

– Нет, – Алиса покачала головой. – Настоящая игра – это то, что ты делаешь сейчас. Прячешься.

Он промолчал, делая вид, что очень занят своим чаем.

Они начали репетировать отрывок из «Вишневого сада» дополнительно, встречаясь в свободных аудиториях. Максим все глубже погружался в образ Лопухина – человека, который не может выразить свои чувства, хотя они переполняют его.

– Нет, не так, – Алиса остановила его в середине сцены. – Ты говоришь о погоде, но думаешь о любви. Это должно чувствоваться.

– Я не понимаю, как это сделать, – раздраженно ответил Максим. – Если я говорю о погоде, значит, я говорю о погоде.

– В том-то и дело! – воскликнула Алиса. – В жизни мы постоянно говорим не о том, что чувствуем на самом деле. Особенно ты.

– Что ты имеешь в виду? – напрягся он.

– Ты смотришь на меня так, будто... – она запнулась. – А потом делаешь вид, что между нами ничего нет, кроме репетиций.

Повисла тяжелая пауза. Максим смотрел в пол, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

– Давай просто доработаем сцену, – наконец сказал он. – У нас показ через две недели.

Алиса вздохнула и кивнула, возвращаясь к тексту. Но что-то изменилось. Теперь в их репетициях появилось новое напряжение – настоящее, не игровое. Они блестяще играли людей, не способных выразить свои чувства, потому что сами были такими людьми.

День перед итоговым показом выдался промозглым и серым. Максим и Алиса репетировали в пустой аудитории на Чайнова. За окном моросил дождь, стекая по стеклам мутными дорожками.

– Давай еще раз, с того места, где Лопухин говорит про отъезд, – Алиса потерла уставшие глаза.

Они повторяли сцену уже в десятый раз, но что-то все равно не складывалось. Слова звучали правильно, но между ними словно выросла стена.

– «Я уеду сейчас, сию минуту, только, конечно, приеду еще раз до отъезда», – начал Максим, стараясь вложить в слова нужную интонацию.

– Стоп, – Алиса подняла руку. – Опять не то. Ты говоришь механически.

– А как я должен говорить? – раздраженно спросил Максим. – Мы повторяем одно и то же уже два часа.

– Ты должен чувствовать! – Алиса повысила голос. – Лопехин любит Варю, но не может сказать ей об этом. Это же так просто понять!

– Просто? – Максим отбросил листок с текстом. – Ничего тут нет простого! Почему он просто не скажет, что чувствует? Зачем все эти хождения вокруг да около?

– Потому что он боится, – Алиса подошла ближе. – Боится быть отвергнутым, боится своих чувств. Как и ты.

– Не приписывай мне то, чего нет, – Максим отступил на шаг. – Я просто хочу нормально сыграть эту сцену и закончить с этим.

– Закончить? – Алиса прищурилась. – То есть после показа ты просто уйдешь? Вернешься к своим книжкам и сделаешь вид, что ничего не было?

– А что было? – Максим скрестил руки на груди. – Несколько месяцев театральных упражнений?

Алиса смотрела на него так, словно видела впервые.

– Знаешь, в чем твоя проблема, Максим? Ты думаешь, что если не называть вещи своими именами, они перестанут существовать. Но это не так.

– А в чем твоя проблема? – огрызнулся он. – Ты во всем ищешь какой-то глубокий смысл. Иногда банан – это просто банан.

– Иногда, – тихо сказала Алиса, – но не в нашем случае.

Она подошла к окну, глядя на дождь. Ее плечи напряглись, словно она сдерживала слезы.

– Я думала, театр помог тебе раскрыться, – сказала она, не оборачиваясь. – Но ты просто научился лучше прятаться.

Максим стоял, не зная, что ответить. Внутри все кипело от противоречивых эмоций.

– Знаешь что, – наконец сказал он, – давай сделаем по-твоему. Завтра на показе я буду чувствовать все, что ты хочешь. Я сыграю идеального Лопехина, влюбленного, но неспособного признаться. А потом мы разойдемся, и все будет как раньше.

Алиса резко обернулась, ее глаза блестели.

– Нет, Максим. Не будет как раньше. Никогда.

Она схватила свою сумку и быстро вышла из аудитории, хлопнув дверью. Максим остался один, с разбросанными по полу листками текста. За окном усилился дождь, барабанил по стеклу как сотни нетерпеливых пальцев.

Он не пошел на генеральную репетицию вечером. Не отвечал на звонки Михаила Александровича. Лежал в своей комнате в общежитии, глядя в потолок и прокручивая в голове их ссору снова и снова.

Утром он все еще не знал, придет ли на показ.

Театральный клуб РГГУ гудел как улей. Студенты-актеры сустились за импровизированными кулисами, повторяя тексты, поправляя костюмы, подбадривая друг друга. Алиса стояла у окна, механически перебирая складки своего платья. До их выступления оставалось три номера, а Максима все не было.

– Может, заменим ваш отрывок на что-нибудь другое? – осторожно спросил Михаил Александрович, подходя к ней. – Я могу объявить, что произошли изменения в программе.

– Давайте подождем еще немного, – Алиса пыталась говорить спокойно, но голос предательски дрожал.

Она не сводила глаз с двери. Один номер, второй... Их выход был следующим. Михаил Александрович уже направился к сцене, чтобы объявить замену, когда дверь распахнулась и в зал вошел Максим. Растрепанный, немного запыхавшийся, но – здесь.

Их взгляды встретились через всю комнату. Он быстро подошел к ней, на ходу снимая куртку.

– Прости за опоздание, – сказал он тихо. – Я...

– Потом, – перебила Алиса. – Мы выходим через минуту.

Михаил Александрович с облегчением объявил их номер: «Отрывок из пьесы А. П. Чехова „Вишневый сад“. Исполняют Алиса Соколова и Максим Ковалев».

Они вышли на импровизированную сцену. Зрители – студенты, преподаватели, друзья – затихли в ожидании. Алиса начала свою первую реплику, не глядя на Максима. Она была Варей – женщиной, ждущей признания, которое никогда не прозвучит.

Максим отвечал, и что-то в его голосе заставило ее повернуться. Он смотрел на нее так, словно видел впервые. В его глазах было столько невысказанного, что у нее перехватило дыхание.

– «Что ж? Пора ехать», – произнес он, и в этих простых словах вдруг зазвучала такая тоска, что зал замер.

Они продолжали диалог, но это уже не был заученный текст Чехова. Это была их собственная история – о двух людях, которые не могут сказать друг другу самого главного. Каждая пауза, каждый взгляд, каждый жест наполнялись новым смыслом.

Когда они дошли до финальной сцены, где Лопехин так и не делает предложения, Максим вдруг отступил от текста. Вместо того чтобы уйти, он сделал шаг к Алисе и взял ее за руку.

– Я должен сказать вам... – начал он, глядя ей прямо в глаза.

Алиса замерла. Это не было в тексте. Но она чувствовала, что сейчас происходит что-то важное, настоящее.

– Что? – тихо спросила она, тоже отступая от оригинала.

Максим молчал несколько секунд, которые показались вечностью. Потом просто пригнул ее к себе и обнял – крепко, отчаянно, как человек, который наконец-то нашел дорогу домой.

Зал взорвался аплодисментами. Кто-то даже вскочил с места. Но они не слышали этого. Стояли, обнявшись, посреди сцены, и весь мир сузился до этого маленького пространства между ними.

Когда они наконец вышли за кулисы, Михаил Александрович только покачал головой:

– Вот это я понимаю – режиссерское решение. Чехов бы одобрил.

После показа, когда все поздравления были приняты и зрители разошлись, они остались вдвоем в пустой аудитории. Сидели на полу, прислонившись к стене, и молчали. Но это было другое молчание – не тяжелое, а уютное, полное понимания.

– Знаешь, – наконец сказал Максим, глядя перед собой, – я всегда думал, что театр – это притворство. Но оказалось, что иногда только на сцене и можешь быть настоящим.

Алиса положила голову ему на плечо.

– Иногда маска помогает увидеть собственное лицо, – тихо сказала она.

За окном начинался снег – первый в этом декабре. Они смотрели, как белые хлопья медленно опускаются на темную улицу Чайнова, и не чувствовали необходимости говорить о том, что и так было ясно. Некоторые вещи лучше всего выражаются в тишине – как в хорошей пьесе, где самое важное всегда между строк.

Справка об объекте

**Театральный клуб РГГУ,
Россия, г. Москва, ул. Чайнова, 15**

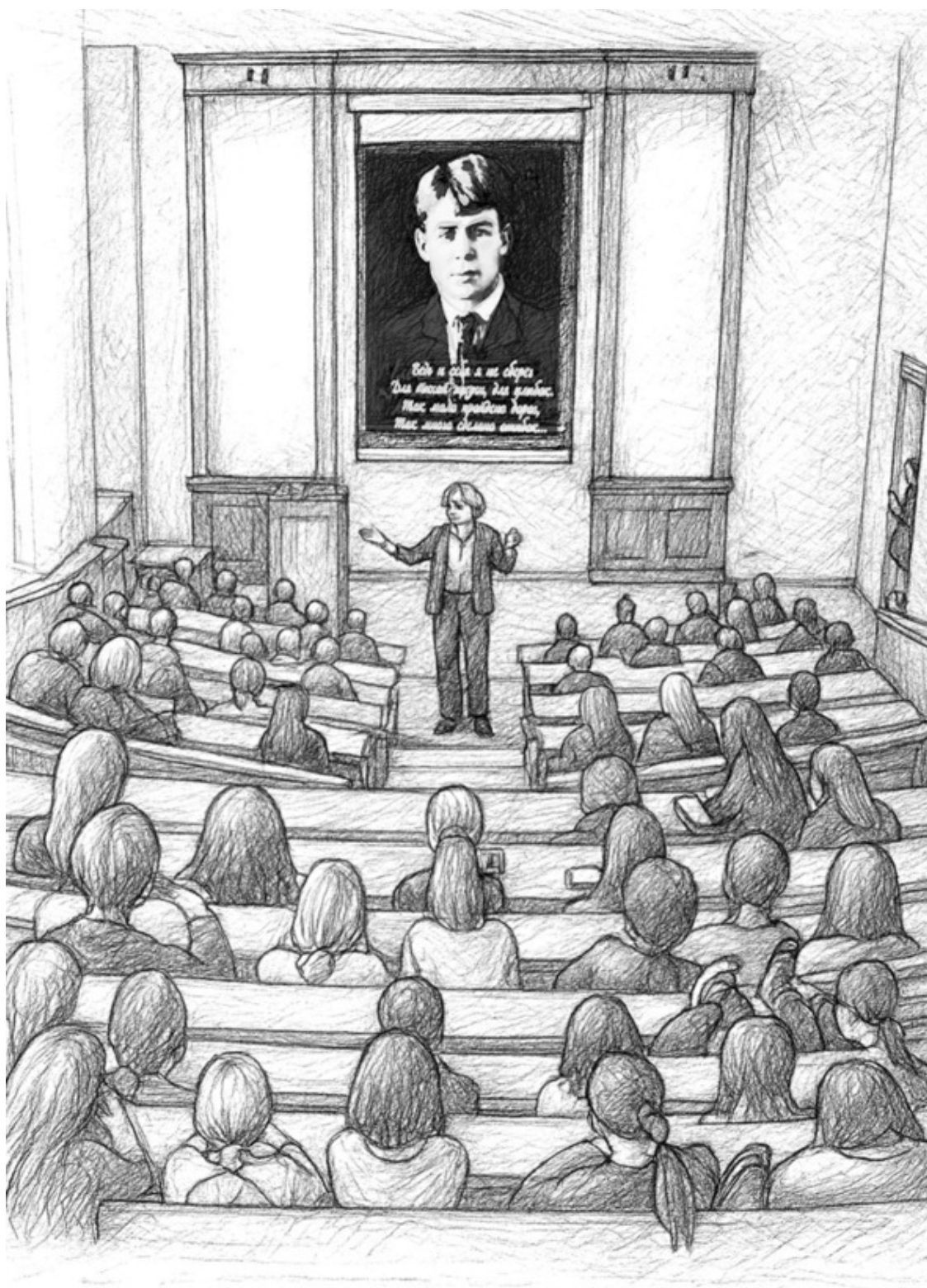
Клуб ведет активную работу с октября 2010 года. Руководитель – Побережнюк Мария Владимировна.

Театральный клуб РГГУ – это, в первую очередь, занятия техникой речи, актерским мастерством, сцендвижением. Это раскрытие себя через призму театра – тут даже те, кто никогда не занимался ни в каких студиях, получают возможность узнать на собственном опыте, что такое ТЕАТР.

Изначально Театральный клуб задумывался как «тренинговое сообщество», «мастерская», «школа», «лаборатория»... Но сейчас стало ясно, что все то, чем мы занимаемся, никак не может уместиться в одно определение. Ясно одно – мы постоянно меняемся, и во многом благодаря инициативам самих студийцев.

Раз в семестр проводятся итоговые формы аттестации – студийцы показывают самостоятельные работы и по итогам показа могут быть переведены в старшую группу.

Источник: <https://vk.com/public42823888?w=club42823888>

Аудитория поэта Екатерина Ривман

Москва. Осень 1913 года. На Миусской площади, среди суеты трамваев и холодного ветра, парень с рязанским выговором осторожно переступает порог Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского. Он держит под мышкой тонкую тетрадь и смотрит вокруг так, будто оказался в храме – только вместо икон здесь книги и чернильные пятна на пальцах студентов. Ему девятнадцать. Его зовут Сергей Есенин. И он еще не знает, что его имя будет произноситься через сто лет в этих же стенах, где сегодня учатся студенты Российского государственного гуманитарного университета.

В ту осень воздух в аудиториях пах бумагой, мелом и углем. На стенах висели портреты ученых и писателей, а за большими окнами плыл серый московский свет. Университет Шанявского был особенным местом – сюда принимали всех, кто жаждал знания, без сословных ограничений. Для сына крестьян это был почти миф. Есенин записался вольнослушателем на историко-филологическое отделение. Слушал лекции о русской литературе, о философии, о древней культуре. Но, кажется, учился он не столько у профессоров, сколько у самой жизни, которая впервые открывалась перед ним не в ржаном поле, а в городских переулках.

Однажды на лекции по поэтике преподаватель говорил о звучании стиха – о том, как важно, чтобы слово вызывало чувства. Сергей сидел на задней парте, не отрывая взгляда от окна. Он видел, как по улице шел дворник с метлой, как ветер поднимал пыль, и вдруг ему показалось, что весь мир тоже пишет – метлой, ветром, дыханием. После занятия он подошел к профессору и протянул листок с черновиком. Тот прочитал и сказал:

– Вы пишете просто. Но в этом простом живет сила. У вас не строчки – у вас дыхание земли.

Есенин молча кивнул. Впервые кто-то сказал ему то, что он чувствовал, но не умел объяснить словами.

Жизнь в Москве шла быстро. Днем – лекции, вечерами – типография, где он подрабатывал наборщиком, ночами – стихи. Он тратил последние копейки на чай и карандаши, но никогда не жаловался. Иногда, чтобы согреться, заходил в библиотеку университета: там было тепло и тихо. Между полок стояли стопки книг, пахнувших пылью и временем. В одном из таких вечеров с ним случилась история, о которой потом вспоминали его товарищи.

Сергей задержался после занятий, искал в шкафу учебник, и вдруг заметил под ногами клочок бумаги. На нем карандашом было написано несколько строк – неровно, будто на ходу:

Где-то в поле звон колокольный,
Где-то в сердце тоска без причин...

Он долго стоял с этим листком в руках. Не знал, кто его написал, но почувствовал, будто эти строки ищут продолжения. Уже дома, за керосиновой лампой, он достал свою тетрадь и приписал:

Это память земли подольной,
Это голос родных причин...

Позже он сказал одному знакомому: «В университете я понял: поэзия растет не из головы, а из того, что ты поднимаешь с пола».

Этот клочок бумаги он хранил в конспектах еще очень долго.

Вскоре зима прижала город к земле. Студенты ходили в пальто, дышали паром на окна, писали на полях конспектов стихи. На одной из лекций вспыхнул спор: может ли народный язык быть поэзией? Один из слушателей заявил, что деревенские слова грубы, неуместны в литературе. Сергей не выдержал и тихо сказал: «А ведь слово из земли как хлеб. Оно просто, но без него не проживешь». Аудитория замолчала. Даже профессор не перебил. В тот вечер он впервые почувствовал, что его голос – не робкий и не случайный. Это был голос земли, пришедший в город и желавший большего.

Весной 1915 года он уже редко появлялся на лекциях. Город звал его другими дорогами – литературными кружками, редакциями, сценами. Но университет остался в нем, как след. Когда он позже писал «Исповедь хулигана» или «Русь Советскую», в этих стихах звучало то самое дыхание аудитории, где спорили о слове и свободе. В своих письмах он упоминал: «Я учился, слушал, и мне хотелось, чтобы каждое слово звенело, как колокол в ржаном поле».

Может быть, именно поэтому его стихи всегда звучали – не просто рассказывали. Они звенели, как те голоса, что он слышал в московских аудиториях.

Прошли десятилетия. Университет Шанявского стал частью истории, но его дух остался. На Миусской площади постепенно возвели из знаний и труда новый университет – Российский государственный гуманитарный. И в одном из его корпусов, у аудитории №390, теперь висит табличка: «Есенинская». В этой аудитории все так же пахнет книгами и историей, а когда открывают окна, ветер чуть шелестит страницами – будто перелистывает чью-то тетрадь. Говорят, если прислушаться, можно услышать, как где-то в глубине стены кто-то шепчет:

Ты запой мне ту песню, что прежде
Напевала в ночи мне весна...

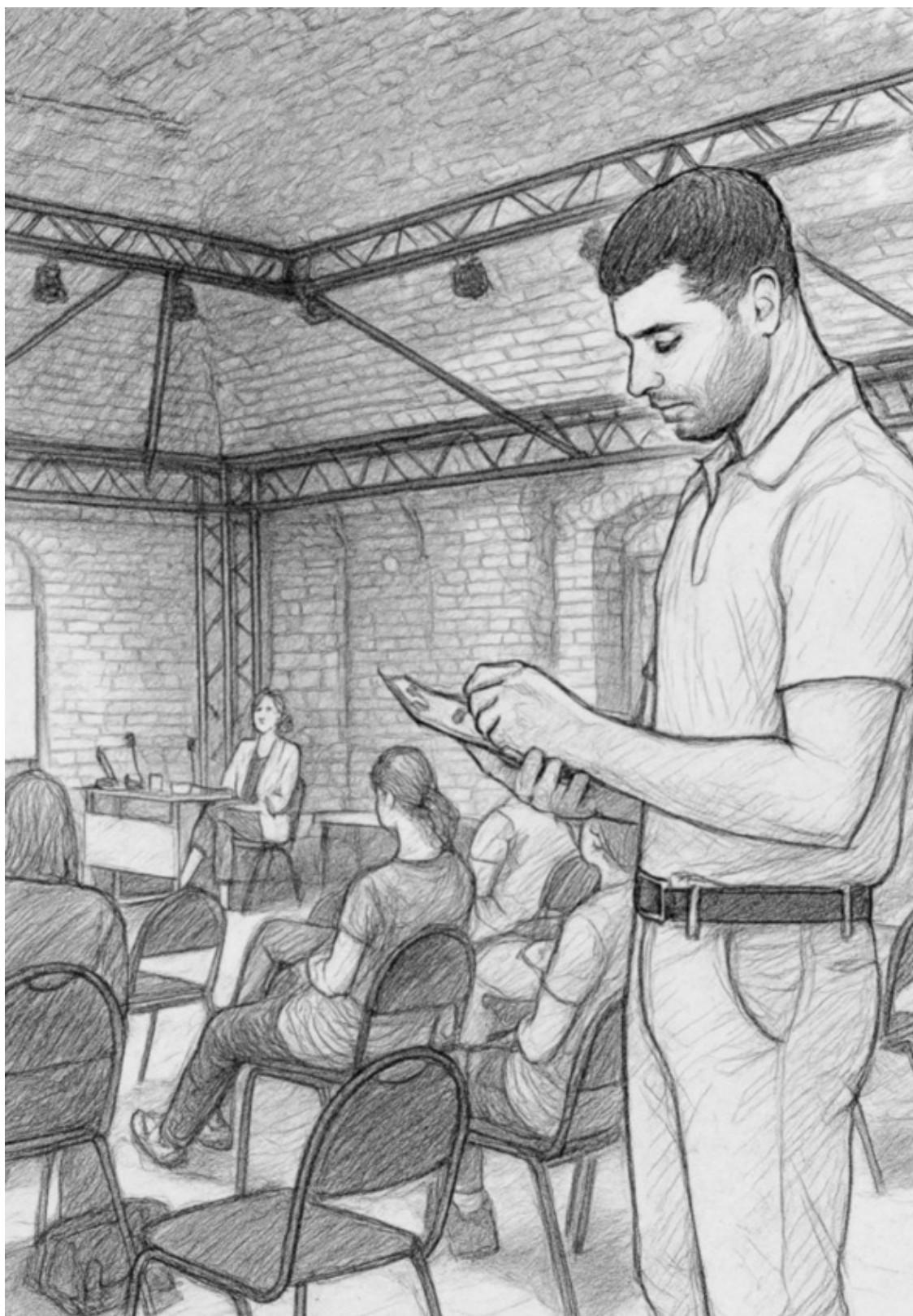
И может показаться, что это просто сквозняк. Но каждый, кто хоть раз сидел в этой аудитории, знает: иногда стены хранят память лучше, чем бумага. И там, где когда-то юный поэт поднимал с пола забытый листок, сегодня другие студенты поднимают свои – белые, чистые, готовые к новым строкам.

Справка об объекте

**Аудитория №390 «Есенинская»,
Россия, г. Москва, ул. Чайнова, 15**

В честь великого русского поэта Сергея Есенина учебная аудитория РГГУ названа не случайно. Есенин стал слушателем первого курса историко-филологического цикла Народного университета им. А. Л. Шанявского, в стенах которого сейчас располагается 7-й корпус РГГУ.

Источник: <https://www.rsuh.ru/sandbox/pano/>

Пространство диалога Дарья Бычкова

Ирина Дмитриевна расставляла стулья в просторном лекционном зале Мультимедийного историко-культурного центра имени Кнорозова. Обычно на ее лекции приходило не меньше сорока человек – студенты, преподаватели, интересующиеся горожане. Но сегодня она готовилась к меньшей аудитории – эпидемия гриппа, захватившая Москву в начале ноября, опустошила университетские залы.

Она отошла к дальней стене, оценивая пространство. Старинное здание на Никольской с его высокими потолками и массивными стенами создавало особую атмосферу. Мультимедийные экраны и современное освещение гармонично вписывались в историческую архитектуру – центр успешно соединял традиции и инновации, став важным звеном между Политехническим музеем, РГГУ и Историческим музеем.

– Ирина Дмитриевна, проектор настроен, – в дверях появилась Настя, молодая сотрудница центра. – Презентация загружена, звук проверили. Кстати, трансляцию тоже подготовили, так что те, кто болеет, смогут присоединиться онлайн.

– Отлично, Настенька, – Ирина Дмитриевна поправила безупречно уложенные седеющие волосы. – Как думаешь, сколько сегодня будет очно, несмотря на эпидемию?

– В соцсетях отметились пятнадцать человек, – Настя просмотрела список на планшете. – Но звонили еще несколько постоянных слушателей, обещали прийти.

Ирина Дмитриевна кивнула. Даже в разгар эпидемии находились энтузиасты, готовые прийти на лекцию о междисциплинарном подходе в современной науке. Это вдохновляло.

Она подошла к окну. Снаружи Никольская жила своей жизнью – немногочисленные туристы, спешащие студенты в масках, уличные музыканты. Центр стал важной частью культурной жизни этого исторического района, привлекая как специалистов, так и просто любителей людей.

– Простите, это здесь будет лекция о междисциплинарном подходе? – раздался за спиной мужской голос.

Она обернулась. В дверях стоял мужчина лет тридцати пяти, в потертой кожаной куртке и с небрежной щетиной. В руках – блокнот и телефон.

– Да, в шесть вечера, – ответила она. – Вы рано, еще полчаса до начала.

– Я журналист, – он шагнул в зал, оглядываясь с нескрываемым интересом. – Павел Игнатьев, «Городской вестник». Хотел задать пару вопросов перед лекцией.

Ирина Дмитриевна улыбнулась. «Городской вестник» был известен своими острыми материалами, но центру нечего было скрывать.

– Конечно, – она жестом пригласила его присесть. – Чем могу помочь?

– Скажите, – Павел достал телефон и включил диктофон, – как вам удается поддерживать интерес к таким специализированным темам? Особенно сейчас, когда все сидят в соцсетях и предпочитают короткий контент.

Ирина Дмитриевна отметила, что вопрос был сформулирован с легким скептицизмом, но без откровенной враждебности.

– Знаете, людям на самом деле не хватает глубины, – она присела напротив журналиста. – Да, соцсети приучили нас к быстрому потреблению информации, но многие ощущают внутренний голод по чему-то более основательному. Наш центр предлагает именно это – возможность погрузиться в тему, увидеть связи между разными областями знания.

– И много таких... голодных? – Павел обвел взглядом пустующие пока стулья.

– В обычные дни зал полон, – Ирина Дмитриевна улыбнулась. – Сегодня, конечно, эпидемия вносит коррективы. Но у нас есть онлайн-трансляция, так что аудитория будет шире, чем кажется.

Павел что-то записал в блокнот. Его лицо оставалось непроницаемым.

– А вы не думали, что, возможно, такие форматы все-таки устаревают? Сейчас любую информацию можно найти в интернете, не выходя из дома.

– Информацию – да, – согласилась Ирина Дмитриевна. – Но мы предлагаем не просто информацию, а опыт. Возможность задать вопрос эксперту, услышать разные точки зрения, почувствовать энергию живого общения. Этого в интернете не найдешь.

К шести часам в зал подтянулось около двадцати человек – меньше обычного, но впечатляюще для разгара эпидемии. Некоторые были в масках. На экране в углу зала мигали цифры подключившихся к трансляции – уже больше тридцати.

Лекция прошла оживленно. Ирина Дмитриевна говорила о том, как междисциплинарный подход помогает увидеть связи между явлениями, которые кажутся несвязанными. Приводила примеры из работ Кнорозова, который соединял лингвистику, историю, антропологию. Аудитория активно участвовала, задавали вопросы и из зала, и из онлайн-чата.

Когда официальная часть закончилась и люди начали расходиться, Павел поднял руку.

– У меня вопрос, – его голос звучал громче, чем нужно. – Вы говорили о междисциплинарности. Но разве не логичнее сосредоточиться на практических навыках, которые помогут людям в карьере? Какую конкретную пользу приносит ваш центр обычному человеку?

В зале повисла пауза. Оставшиеся слушатели с интересом повернулись к журналисту.

– Знаете, – Ирина Дмитриевна сняла очки, – есть разные определения пользы. Наш центр помогает людям видеть шире, выходить за рамки узкой специализации. И это очень практический навык в современном мире, где успех часто приходит к тем, кто умеет соединять разные области знания.

– Красивые слова, – Павел усмехнулся. – Но большинству людей нужны конкретные навыки для конкретных задач.

– А вы никогда не задумывались, почему многие успешные IT-компании нанимают философов и лингвистов? – парировала Ирина Дмитриевна. – Именно потому, что они умеют мыслить системно, видеть неочевидные связи.

Их взгляды встретились через пространство зала – как два фехтовальщика, оценивающие противника перед боем.

– Интересно, – Павел захлопнул блокнот. – Я бы хотел посетить и другие ваши мероприятия. Для полноты картины.

– Будем рады, – ответила Ирина Дмитриевна. – У нас насыщенная программа, несмотря на эпидемию. Расписание на сайте.

Когда все разошлись, она осталась в зале, просматривая вопросы из онлайн-чата, на которые не успела ответить. Этот журналист явно настроен критически. Что ж, пусть приходит. Возможно, увидев работу центра изнутри, он изменит свое мнение.

В течение следующих двух недель Павел стал постоянным посетителем центра. Он приходил на лекции, мастер-классы, дискуссии, садился обычно в последнем ряду и делал заметки. Иногда задавал острые вопросы, но чаще просто наблюдал. Ирина Дмитриевна замечала его присутствие, но старалась не показывать, что это ее беспокоит.

В четверг центр проводил интерактивную выставку «Языки коммуникации: от иероглифов до эмодзи». Студенты демонстрировали, как менялись системы письма и передачи информации на протяжении истории. Павел бродил между стендами, когда Ирина Дмитриевна подошла к нему.

– Как продвигается ваша статья? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

– Собираю материал, – Павел пожал плечами. – Должен признать, у вас интересная программа. Хотя я все еще не уверен в ее практической ценности.

– Может быть, вы просто смотрите не под тем углом, – Ирина Дмитриевна кивнула на стенд, где студентка рассказывала о принципах дешифровки древних письменностей. – Видите ту девушку? Она изучает лингвистику, но параллельно работает в IT-компании, занимающейся машинным переводом. Говорит, что исторические методы дешифровки помогают ей понимать алгоритмы искусственного интеллекта.

Павел посмотрел в указанном направлении с легким удивлением.

– Неожиданная связь, – признал он.

– Мир полон таких связей, – Ирина Дмитриевна улыбнулась. – Нужно только уметь их видеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.